

Критические замечания относительно либерального понимания в социологических и правовых исследованиях феномена труда в информационном обществе

Д. А. Новиков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Новиков, Денис А. 2023. «Критические замечания относительно либерального понимания в социологических и правовых исследованиях феномена труда в информационном обществе.» *Ежегодник трудового права* 13: 81–91.

<https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.105>

Трансформация способов и средств производства под влиянием развития цифровых технологий обусловили увеличение интереса ученых к проблематике изменяющихся коренным образом трудовых процессов. В социологических и правовых исследованиях либерального направления отдельным образом стал изучаться феномен труда в контексте перехода от трудовых практик индустриального общества к трудовым практикам информационного (постиндустриального) общества. Основными выводами, которые были сделаны в результате изучения феномена труда в либеральном ключе, стали: признание освобождающего характера труда информационного типа и его приоритета над трудом индустриального типа; наделение информационного труда характеристикой гибкости по сравнению с ригидностью труда в индустриальном обществе. С юридической точки зрения данные выводы создали предпосылки для дерегуляции (т. е. устранения защитных норм и гарантий) трудовых отношений как для работников «вымирающего» индустриального типа, так и для «прогрессивных» информационных работников. В рамках данной публикации автор поставил исследовательскую задачу — аннулировать четыре мифа информационного общества, которые наиболее популярны в либеральных теориях: 1) массовое высвобождение работников, занятых в промышленности, обусловленное компьютеризацией производства; 2) гибкость на рынке труда является неотъемлемой частью трансформации традиционной модели трудовых отношений; 3) аутсорсинг присущ только производству индустриального типа; 4) выпуск нового продукта предполагает высвобождение работников из-за неспособности рабочей силы освоить современные методы работы. Вследствие проведенного критического анализа указанных мифов либеральной доктрины автор пришел к выводу о тщетности установления разграничений в самой сущности феномена труда. Автор полагает, что концепцией, позволяющей конвергировать все типы труда в государственных производственных цепочках, является теория «общности труда», предложенная Карлом Марксом. Для трудового права наличие объективных особенностей осуществления трудовых процессов означает необходимость углубления исследований дифференциации правового регулирования труда отдельных категорий работников, а не проведение дерегуляции трудовых отношений.

Ключевые слова: информационное общество, гибкость, аутсорсинг, дерегуляция, общность труда.

1. Введение

Сегодня в зарубежной и отечественной литературе популярна точка зрения, что труд в постиндустриальном обществе представляет собой перераспределение трудовой нагрузки с промышленного производства и обслуживающего его аппарата на информационную надстройку. Но может ли существовать информационный сектор без созданных в индустриальной системе технологий или может специалист в области информационных технологий находиться в физиологической и культурной изоляции от продуктов, созданных трудом так называемого индустриального мира? Не обречено ли общество информационных работников на абсолютное отчуждение не только от продукта своего труда, но и от общественного процесса? Именно к такому ostracism толкают современного человека апологеты постиндустриальной науки, которые видят в информационных формах труда освобождение индивида от оков социального и производственного гнета. Не такую же радужную перспективу рисовали перед крестьянами на заре промышленной революции проводники индустриального общества, которая впоследствии обернулась ужасом урбанизации, разрывом традиционных социальных связей, отсутствием защиты от произвола фабрикантов и тотальной безработицей?

В данной публикации автор стремится рассмотреть феномен труда через призму исследований информационного общества и перспектив трансформации указанного феномена в науке трудового права.

2. Основное исследование

Как заметил З.Бауман, «людей, возделывающих землю, сначала необходимо отменить, чтобы потом их можно было рассматривать как носителей готовой к использованию “рабочей силы”, а саму эту силу — по праву считать потенциальным источником богатства. Эта новоявленная безработица была воспринята как освобождение труда, как неотъемлемая часть радостного чувства освобождения человеческих способностей в целом от досадных и бессмысленных оков, равно как и от естественной инертности» (Бауман 2005, 94). В антагонистической полемике с З.Бауманом Э.Тоффлер подчеркивает, что «три сотни лет назад наблюдая массу крестьян, работающих на полях, только сумасшедший мог бы представить, что вскоре придет время, когда поля опустеют, а люди будут собраны на городских заводах, где станут зарабатывать на хлеб. Сейчас нужна смелость, чтобы предположить, что наши крупнейшие заводы могут наполовину опустеть, превратиться в мрачные склады или переделаны под жилые помещения. Но это возможно при новом способе производства: при возвращении к домашнему производству на новой, более высокой, электронной основе» (Тоффлер 1999, 138). С этой точки зрения любое сопротивление сужению индустриальных трудовых отношений следует рассматривать как фундаменталистскую реакцию на упадок предыдущей производственной системы.

В свою очередь, по мнению Р.Дарендорфа, в упадке общества труда просматривается важный шаг на пути становления действительно демократического общества. Он убежден, что в интересах свободы важнее провозгласить право не работать: «...гражданскими правами не торгуют. По этой причине отделение гражданского

статуса от профессии означает прогресс, и как сильно хозяевам мира труда того бы ни хотелось, они не смогли бы вернуть этот процесс в обратном направлении» (Дарендорф 2002, 196). Х. Арендт замечает: «... вот оно, работающее общество, готовое освободиться от оков труда, но этому обществу едва... известны те высшие и осмысленные деятельности, ради которых стоило бы освобождаться» (Арендт 2000, 12).

Неудивительно, что классическое понятие труда как волевой, целесообразной деятельности, направленной на создание тех или иных материальных или культурных ценностей, подвергается сомнению. По убеждению Ж. Бодрийяра, «труд больше не является продуктивным, он стал воспроизводящим, назначением труда как установки всего общества, которое уже само не знает, хочется ли ему что-то делать» (Бодрийяр 2000, 59). Поэтому замечание Н. Александрова, что «отличительный признак труда как особого вида воздействия на природу состоит в том, что результат воздействия заранее осознается деятелем как цель, с которой деятель согласовывает способ и характер своих действий» (Александров 1948, 5), якобы теряет свой смысл в том контексте, что «трудом завладела знаковая форма, изгнав из нее всякое историческое значение и поглотив его процессом его собственного воспроизводства» (Бодрийяр 2000, 59). За этой логикой кроется еще один вывод Ж. Бодрийяра: «Человек больше не работает, а обозначает труд; наступает конец культуры производства и труда... Но всегда будут существовать заводы и фабрики, чтобы скрыть, что труд умер, что производство умерло или что оно теперь везде и нигде» (Бодрийяр 2000, 71). Конечно, указанные мнения не имеют ничего общего с уничтожением труда в работах К. Маркса, который подчеркивал, что «уничтожение труда не означает уничтожения всякой деятельности во имя основания царства бездельников, наоборот, это превращение деятельности в подлинно человеческую, поскольку выход из производственных отношений только и открывает пространство для отношений между личностями» (Маркс 1957, 279).

Поэтому не все авторы склонны обращаться к таким абсурдным умозаключениям, как Ж. Бодрийяр. Большинство из них, как уже подчеркивалось, склонны понимать современные процессы трансформации сущности и содержания труда как составляющую перехода от индустриальной к информационной парадигме мироздания. Предполагается, что человечество переходит в информационное общество, когда большинство занятых работает в информационной сфере. Снижение занятости в сфере производства и увеличение в сфере услуг рассматривается как замещение физического труда трудом «белых воротничков». Поскольку «сырьем» для нефизического труда является информация (она противопоставляется физической силе, навыкам ручного труда и его «машинным» характеристикам), существенное увеличение доли труда в информационной сфере может рассматриваться как возникновение информационного общества. Ф. Уэбстер приводит статистические данные: «в Западной Европе, Японии и Северной Америке более 70 % рабочей силы заняты в сфере услуг» (Уэбстер 2004, 20). Следовательно, акцент на изменениях в сфере занятости информационного общества сместился. Ранее во главу угла ставилась технология, а ныне — информация. Отсюда движущей силой современной экономики являются люди, чья основная способность выражается в использовании информации.

Д. Белл считает, что «самый распространенный вид трудовой деятельности является отличительной чертой того или иного общества» (Белл 2004, 191). Если

в доиндустриальном обществе преобладал сельскохозяйственный труд, а в индустриальном наиболее распространенным был труд на заводах и фабриках, то в постиндустриальном обществе главенствующую роль играет занятость в сфере услуг. Далее можно проследить такую логику Д. Белла: работа в сфере услуг является информационным трудом, а доминирование занятости в сфере услуг неизбежно приводит к росту количества информации и увеличению объема информационного труда, что в конечном итоге приведет к тому, что все будут работать в сфере услуг.

В свою очередь, М. Кастельс предполагает, что конец традиционного рабочего класса наступит по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, этот класс количественно резко сокращается, и его замещает рабочая сила, выполняющая нефизический труд. Во-вторых, его вклад в общество отрицается: трудовая теория стоимости замещается теорией стоимости, создаваемой информацией. По словам М. Кастельса, «знания и информация стали главным сырьем современного производственного процесса, а образование — основным качественным показателем труда, а потому новыми производителями являются те генераторы знаний и обработчики информации, чей вклад в экономику наиболее значителен» (Castells 1997, 345).

Помним, что советское законодательство при обозначении субъектов трудового права оперировало категориями «рабочий» и «служащий». Такое разделение осуществлялось в соответствии с основным родом деятельности, который находился в сфере индустриального производства, представляя основной общественный класс — пролетариат. Чиновники, в свою очередь, должны были создавать необходимые условия для труда и быта рабочих. Отсюда возникает вопрос: если в индустриальном обществе работники умственного труда обслуживают рабочих, а в постиндустриальном — остатки рабочего класса создают материальный продукт для многочисленных интеллектуальных работников, то справедливо ли распределяется в последнем случае конечный результат труда? Наверное, такое разделение труда составит неравномерную нагрузку на «прошлую» индустриальную систему производства, даже в условиях максимальной автоматизации. Эфемерный продукт сферы услуг никогда не удовлетворит первичные потребности в обществе. Скажем так: нельзя питаться (построить дома, смастерить оборудование и инженерные постройки) нематериальными ценностями. Но можно заменить часть той работы, которая выполняется значительным объемом сферы услуг, на бытовую технику, а работу программистов — на усовершенствованные нейросетью программы, что в рыночных условиях приведет к тому же результату, который в последние годы стал неутешительной реальностью в индустриальной сфере, — безработице.

Однако в исследованиях идеологов постиндустриального общества не возникает различий, что информационный труд вливает, по терминологии М. Кастельса, на «труд общего типа» (т.е. индустриального) в такой степени, что нет никаких сомнений в том, кто играет в обществе более важную роль. Это проявляется по-разному: иногда «труд общего типа» вытесняется автоматизацией (с применением компьютеризированных технологий), иногда — переносом производства в другие части света, иногда — созданием нового продукта, к которому «труд общего типа», являясь негибким, не может приспособиться. В «новом» мире информационный труд становится основным производителем стоимости, в то время как рабочий класс находится в упадке, поскольку не способен к быстрым изменениям, чтобы держать темп. Если использовать современную терминологию, ему не хватает «гибкости».

Во всех приведенных основаниях отмены «труда общего типа» имеется искусственно сконструированная мифология, которая извращает факты и придает социальным изменениям, происходящим на самом деле, естественный вид. В этом случае попытаемся аннулировать четыре мифа информационного общества: 1) массовое высвобождение работников, занятых в промышленности, обусловленное компьютеризацией производства; 2) гибкость на рынке труда является неотъемлемой частью трансформации традиционной модели трудовых отношений; 3) аутсорсинг присущ только производству индустриального типа; 4) выпуск нового продукта предполагает высвобождение работников из-за неспособности рабочей силы освоить современные методы работы.

Определяющим в приведенном перечне является миф о том, что происходящие сегодня динамические изменения в структуре производственных отношений спровоцированы технологическим прогрессом, изобретением механизмов и компьютерных программ, способных замещать тысячи работников индустриального сектора несколькими рабочими местами с функцией контроля над конвейером. Такие изменения позиционируются как неизбежные и благоприятные. Естественно, нет смысла оспаривать положительность облегчения процесса создания материальных благ, как и не следует забывать об исторических примерах. Два столетия назад, как об этом писал Ф. Энгельс, также шла речь о переходе «из стабильных в необеспеченные жизненные условия, которые ежедневно меняются» (Маркс и Энгельс 1961, 125). На месте современного «работника общего типа» был крестьянин, терявший устоявшиеся социальные связи и конкурентоспособные трудовые навыки из-за внедрения в практику аграрного хозяйства новых технологий. Однако, кроме того, отмена аграрного труда произошла благодаря практике присвоения общинных земель и вытеснения оттуда крестьян. Похожую ситуацию можно наблюдать во многих современных развитых и развивающихся странах в случаях выкупа заводов и последующего закрытия или перепрофилирования из-за «нерентабельности». Результатом является тотальное увольнение работников. В свою очередь, очевидным объективным следствием внедрения новых технологий в процесс как аграрного, так и промышленного производства должно стать пропорциональное сокращение рабочего времени и повышение заработной платы трудящихся. Нелогичность сложившейся ситуации подтверждает, кстати, и тот факт, что в зарубежных странах продолжительность рабочего времени в ИТ-сфере составляет 48 ч в неделю, а ведущие изобретатели информационной современности, такие как М. Цукерберг, М. Майер, И. Маск, Б. Гейтс, в интервью заявляют, что работают 60–70 ч в неделю. При этом уровень безработицы в ИТ-сфере, например в США, составляет половину общего уровня.

Следовательно, автоматизация производства является освобождающей силой не в смысле экономии на средствах производства, а в смысле переноса человека и его труда по ту сторону необходимости.

В работах, посвященных труду в информационном обществе, активно позиционируется необходимость предоставления регулированию трудовых отношений «гибкости». Первым феномен «гибкости» открыл немецкий философ Ю. Хабермас, отмечавший, что «в гибкости трудовых биографий кроется дерегулирование рынка труда, что повышает риск безработицы; в “индивидуализации” жизненных путей оказывается вынужденная мобильность, вступающая в конфликт с долгосрочными

связями; а в «плюрализации» жизненных форм отражается и опасность фрагментации общества, которое теряет сплоченность» (Хабермас 2005, 307). Дж. Стиглиц видел в «гибкости» риск уменьшения экономического благополучия работников: «...усиление гибкости рынка труда означает снижение степени защиты рабочего места, заработной платы и дохода наемных работников» (Стиглиц 2005, 392). Кроме того, Дж. Стиглиц акцентирует внимание на социально-политических последствиях внедрения «гибкости»: «...заклинание об усилении гибкости труда — это лишь плохо скрываема попытка лишить трудящихся (под прикрытием “экономической эффективности”) завоеваний, добытых ими в ходе многолетнего торга и политической активности» (Стиглиц 2003, 15).

Следовательно, «гибкое» регулирование трудовых отношений является, в сущности, эвфемизмом дерегулирования трудовых отношений, отказом от многих элементов социальной и защитной функций трудового законодательства. Неважно — кто подвергается гибкому регулированию. Главное — снижение социальных расходов на работников. В контексте работников индустриальной сферы миф о гибкости обосновывается якобы ригидностью профессионального потенциала занятых в ней работников. Именно поэтому они оказываются недостойными защитных норм. А информационным работникам защита и не нужна, ведь они являются представителями новой трудовой этики, они не ищут надежности и защищенности, их радует возможность проявить свои силы и реализоваться на уровне высших достижений в своей отрасли (Уэбстер 2004, 139). Цель этой пропаганды гибкости одна — создать впечатление справедливости отсутствия социальной защиты в обществе. Метко высказался по этому поводу С. Жижек: «Если повышение гибкости труда означает, что ты вынужден ежегодно менять работу, почему бы не взглянуть на это как на освобождение от кабалы постоянного места работы, как возможность вновь переизобрести себя и реализовать скрытый потенциал своей личности? А если такое состояние вас тревожит, то идеолог “второго модерна” диагностирует у вас желание “бегства от свободы”, незрелость и привязанность к старым устойчивым формам. Более того, когда все это вписывается в идеологию субъекта как “психологического” индивидуума, обладающего множеством природных способностей, вы автоматически склонны интерпретировать все эти изменения как следствие реализации вашей личности, а не того, что вы жертва сил рынка» (Жижек 2005, 12).

Связанным с «гибкостью» является явление аутсорсинга, то есть передачи части функций организации на подряд другим компаниям на территории организации или вне ее. В последние десятилетия практика аутсорсинга в глобальном масштабе производит побочный эффект — гонку на дно (*race to the bottom*). Как отмечает Н. Лютов, «развивающиеся государства, зависимые от иноземных инвестиций, вступают в конкуренцию за привлечение денежных потоков. Выигрывают в этой конкуренции страны, которые предлагают более удобные условия для размещения денег. Эти условия сводятся преимущественно к льготным налоговым режимам и сокращению социальных расходов. Проще говоря, чем дешевле обходится труд одного работника в той или иной стране, тем выгоднее там производить продукцию» (Лютов 2012, 11). Или, как точно выразился У. Бек, «в условиях глобальной конкуренции отношения между трудом и вознаграждением развиваются вниз по спирали» (Бек 2007, 25). Конечно, опыт Китая, Мексики или Бразилии доказывает, что именно индустриальные сферы наиболее соблазнительны для иностранного

аутсорсинга. Однако это говорит не об исключительном характере гонки на дно в индустриальном производстве, а об уровне возможностей так называемого человеческого капитала в этих странах. В развивающихся странах (особенно в постсоветских), где образовательный уровень достаточно высок, зарубежные инвесторы осуществляют капиталовложения именно в информационную сферу. Главное, что интересует эти компании — гораздо более низкие, по сравнению со странами Западной Европы или США, социальные расходы на высококвалифицированных информационных работников.

Следовательно, аутсорсинг не является составной частью исключительно индустриальных сфер, а как проявление исключительно экономических интересов инвесторов присущ любому виду труда в зависимости от благоприятных условий использования.

Что касается разрыва трудовых навыков индустриальных работников с критериями, которые выдвигаются к ним при выпуске новой продукции, то указанное предположение базируется на концепции «непрерывного образования», которая предполагает, что такие изменения происходят постоянно и работник должен быть к ним адаптирован. Однако если проблемы профессионального обучения и перекалфикации в индустриальную эпоху решались вместе с работодателем, организовывавшим соответствующие учебные программы, то в информационном обществе работник должен самостоятельно приобретать необходимые знания и навыки. Предполагается, что информационный работник всегда способен сам себя переучить, он внимателен к новейшим течениям в своей отрасли, внимательно следит за колебаниями на меняющемся рынке, изменениями в общественных настроениях и всегда может усовершенствовать продукт. Такой работник хочет переходить от проекта к проекту, заключая краткосрочный контракт, привлекая свои сетевые связи и постоянно обновляя знания для эффективного выполнения своей задачи. Рассматривая сущность этого явления, можно заметить, как и в предыдущих мифах, направленность на переложение ответственности за риски на рынке труда с государства и работодателя на работника.

Как подметил А. Горц, «личность должна стать предприятием для самой себя, она должна сама рассматривать себя как рабочую силу, как постоянный капитал, требующий непрерывного воспроизводства, модернизации, расширения и утилизации. Она уже не подчиняется внешнему принуждению, напротив, она превратилась в собственного производителя, работодателя и продавца и вынуждена возложить и принять на себя все принуждение, необходимое для выживания и конкурентоспособности предприятия. Короче говоря, нужно устранить отношение наемного труда» (Горц 2010, 33). Не имеет очень принципиального значения, кто и в каком темпе нуждается в повышении квалификации — слесарь или программист. Важно то, на кого возлагается весь груз ответственности за его осуществление и качество. Индивидуалистический подход к «гибкому» производственному образованию изображает профессиональную неудачу и отсталость не проявлением социального неравенства, а персональным проигрышем человека на рынке труда. Г. Шиллер настаивает на том, что «основным фактором, влияющим на распространение информации, доступ к ней и право ее создавать, является классовое неравенство» (Schiller 1982, 461). То есть классовая принадлежность определяет, какую информацию субъект получает сам и какую информацию разрешается получать

другим. Поэтому выигрыш или проигрыш от «информационной революции» зависит от места в социальной иерархии. Согласно А. Барду, напрашивается аналогия с ситуацией, «когда рабочие на фабриках раннего капитализма считали право феодалов на владение землей естественным, но постепенно стали сомневаться в том, что капиталистические средства производства — фабрики и их оборудование — должны принадлежать буржуазии. Слишком хорошо известны кровавые конфликты, к которым приводила борьба за обладание средствами производства. И нет причин полагать, что классовая борьба в информационном обществе будет более спокойной или мирной» (Бард 2005, 105).

Следовательно, осуществление демистификации «естественности» отмены мира «труда общего типа» и приоритета труда в информационной сфере позволяет говорить об искусственности указанных процессов и невозможности отделения информационного труда от материального мира индустриального производства. На этот счет С. Сейерс предлагает избегать мнения о том, что «только “работа” в индустриальном смысле создает материальный продукт. Точно так же, как любой нематериальный (информационный) труд с необходимостью вовлекает материальную деятельность, так и любой материальный труд включает нематериальные стороны (цель, план, субъективность). Между материальным и так называемым нематериальным информационным трудом в этом отношении нет четкого предела» (Sayers 2007, 43). Выходит, что указанный предел создается специально для атомизации общества, уничтожения социальной солидарности, создания антагонистических групп в пределах одного класса с указанной выше целью — усиление дерегулирования трудовых отношений и уменьшение социальных расходов. Соответственно, следует признать, что в информационной сфере доминируют интересы корпоративного капитализма. На первом месте в списке их приоритетов — развитие информации и информационных технологий в интересах частного бизнеса, а не в интересах общества в целом. Как отмечает К. Кумар, «информационный взрыв не обусловил никаких радикальных сдвигов ни в том, как организованы индустриальные общества, ни в том, куда направлено их развитие. Властвуют те же императивы получения прибыли, власти и контроля, как это было всегда в истории капиталистического общества» (Kumar 1995, 112). В свою очередь, то, в какой мере социальная структура отражает интересы работающего населения, может служить показателем решимости давать отпор навязыванию информации как основного средства производства, что приводит к усилению эксплуатации. Там, где социальная система не учитывает классовый характер общества, последствия очевидны: дальнейшее поглощение рыночной экономической системой и разрушение структур социальной защиты неизбежно. Если исходить из того, что информация удовлетворяет потребности господствующего класса, то подлинные потребности периферийных, слабых и зависимых стран никогда не учитываются производителями и экспортерами информации.

3. Выводы

Альтернативным вариантом восприятия информационного труда в его системном понимании является предложенная К. Марксом теория «общности труда» (Маркс и Энгельс 1980, 476). Общий труд рассматривался Марксом как свободный,

творческий, материальный, наукоемкий труд, в котором преодолеваются ограниченности разделения труда на умственный и физический. В глубинном философском аспекте общий труд характеризуется К.Марксом как проявление всеобщих творческих сил человека, благодаря которым человек становится способным использовать новые мощные силы природы. Труд, приобщающий мощные силы природы, становится главным источником реального богатства общества, служит средством удовлетворения человеческих потребностей. Общий труд — практическое воплощение науки, наукоемкость, насыщенная научным знанием, материальный труд. Упрощенное толкование дилеммы «или умственный труд — или физический труд» закрывает возможности описания как природы общего труда в информационном обществе, так и специфических новых характеристик материального мира в целом, тех особенностей его развития, которые становятся заметны в постиндустриальную эпоху, пока на социальную реальность действуют силы корпоративного капитализма, заинтересованные только в расщеплении парадокса труда.

Поэтому справедливы предостережения И. Киселева, что «экономика высоких технологий требует совершенно иного права, чем экономика “дымящихся труб”», однако не стоит воспринимать абсолютно убеждение ученого, что «трудовое право адаптируется к требованиям новой эпохи, к условиям, которые складываются на национальных и международных рынках под влиянием технического прогресса и все более усиливающейся глобализации хозяйственной жизни» (Киселев 2002, 112). Ведь вместе с якобы положительными последствиями глобальной трансформации трудовых отношений в сферах, где используются новые информационные средства производства, возникают реальные неблагоприятные последствия, связанные с перераспределением капитала в обществе и уменьшением социальной защиты трудящихся.

Библиография

- Александров, Николай Г. 1948. *Трудовое правоотношение*. Москва: Госюриздат.
- Арендт, Ханна. 2000. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Бард, Александр, и Ян Зодерквист. 2005. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. Санкт-Петербург: МИФ.
- Бауман, Зигмунт. 2005. *Индивидуализированное общество*. Москва: Логос.
- Бек, Уильям. 2007. *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика*. Москва: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего.»
- Белл, Даниэл. 2004. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Москва: Academia.
- Бодрийяр, Жан. 2000. *Символический обмен и смерть*. Москва: Добросвет.
- Горц, Андре. 2010. *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. Москва: Издательский дом ВШЭ.
- Дарендорф, Ральф. 2002. *Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы*. Rus. ed. Москва: РОССПЭН.
- Жижек, Славој. 2005. *Против прав человека*. Москва: Свободное марксистское издательство.
- Киселев, Игорь Я. 2002. «Новый облик трудового права в странах Запада (прорыв в постиндустриальное общество).» *Управление персоналом* 4: 49–55.
- Лютов, Никита Л. 2012. «Структурные изменения трудовых отношений в современном мире.» *Сборник материалов Пятой конференции ассоциации «Юристы за трудовые права»* (20–21 мая 2011, Москва): 11–16.
- Маркс, Карл, и Фридрих Энгельс. 1957. *Сочинения*. Т. 6. Москва: Политиздат.

- Маркс, Карл, и Фридрих Энгельс. 1961. *Сочинения*. Т. 19. Москва: Политиздат.
- Маркс, Карл, и Фридрих Энгельс. 1980. *Сочинения*. Т. 46. Москва: Политиздат.
- Стиглиц, Джозефф. 2003. «Занятость, социальная справедливость и общественное благосостояние.» *Международный обзор труда* 1–2: 8–18.
- Стиглиц, Джозефф. 2005. *Ревущие девяностые. Семена развала*. Москва: Современная экономика и право.
- Тоффлер, Элвин. 1999. *Третья волна*. Москва: АСТ.
- Уэбстер, Фрэнк. 2004. *Теории информационного общества*. Москва: Аспект Пресс.
- Хабермас, Юрген. 2005. *Политические работы*. Москва: Практис.
- Castels, Manuel. 1997. *The Power of Identity*. Oxford: Blackweel.
- Kumar, Krishan. 1995. *From post-industrial to post-modern society: New theories of the contemporary world*. Oxford: Blackweel.
- Sayers, Sean. 2007. «The concept of labour: Marx and his critics.» *Science and Society* 71: 431–454.
- Schiller, Anita, and Herbert Schiller. 1982. “Who can own what America Knows?” *Nation* 4: 461.

Статья поступила в редакцию 28 мая 2022 г.;
рекомендована к печати 25 июня 2022 г.

Контактная информация:

Новиков Денис Александрович — канд. юрид. наук, доц.; d.novikov@spbu.ru

Critical remarks on the liberal understanding in sociological and legal studies of the phenomenon of labour in the information society

D. A. Novikov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Novikov, Denis O. 2023. “Critical remarks on the liberal understanding in sociological and legal studies of the phenomenon of labour in the information society.” *Russian Journal of Labour & Law* 13: 81–91. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.105> (In Russian)

The transformation of methods and means of production under the influence of the development of digital technologies has led to an increase in the interest of scientists in the problems of radically changing labour processes. In the sociological and legal studies of the liberal direction, the phenomenon of labour began to be studied separately in the context of the transition from the labour practices of an industrial society to the labour practices of an information (post-industrial) society. The main conclusions that were made as a result of studying the phenomenon of labour in a liberal way were: recognition of the liberating nature of information-type labour and its priority over industrial-type labour; endowing information labour with a characteristic of flexibility in comparison with the rigidity of labour in an industrial society. From a legal point of view, these conclusions created the preconditions for the deregulation (the elimination of protective norms and guarantees) of labour relations both for employees of the “endangered” industrial type and for “progressive” information employees. Within the framework of this publication, the author set a research task to cancel the four myths of the information society, which are most popular in liberal theories: 1) mass release of employees employed in industry, due to the computerization of production; 2) flexibility in the labour market is an integral part of the transformation of the traditional model of labour relations; 3) outsourcing is inherent only in industrial type production; 4) the release of a new product involves the release of employees due to the inability of the workforce to master modern methods of work. As a result of the critical analysis of these myths of the liberal doctrine, the author came to the conclusion that it is useless to establish distinctions in the very essence of

the labour phenomenon. The author believes that the concept that allows convergence of all types of labour in state production chains is the theory of “community of labour” proposed by Karl Marx. For labour law, the presence of objective features of the implementation of labour processes means the need to deepen research on the differentiation of the legal regulation of labour of certain categories of employees, and not to deregulate labour relations.

Keywords: information society, flexibility, outsourcing, deregulation, community of labour.

References

- Aleksandrov, Nikolay G. 1948. *Labour relationship*. Moscow: Gosiurizdat Publ. (In Russian)
- Arendt, Hanna. 2000. *Vita Activa, or About an active life*. Rus. ed. St Petersburg: Aleteiia Publ. (In Russian)
- Bard, Alexander, and Jan Soderquist. 2005. *Netocracy. New ruling elite and life after capitalism*. Rus. ed. St Petersburg: MIF Publ. (In Russian)
- Baudrillard, Jean. 2000. *Symbolic exchange and death*. Rus. ed. Moscow: Dobrosvet Publ. (In Russian)
- Bauman, Zygmunt. 2005. *Individualized society*. Rus. ed. Moscow: Logos Publ. (In Russian)
- Beck, William. 2007. *Power and its opponents in the era of globalism. A new global political economy*. Rus. ed. Moscow: Progress-Tradition; Publishing House “Territory of the Future.” (In Russian)
- Bell, Daniel. 2004. *The Coming Post-Industrial Society. Experience of social forecasting*. Rus. ed. Moscow: Academia Publ. (In Russian)
- Castels, Manuel. 1997. *The Power of Identity*. Oxford: Blackweel.
- Dahrendorf, Ralph. 2002. *Contemporary social conflict. Essay on the politics of freedom*. Rus. ed. Moscow: ROSSPEN Publ.
- Gortz, Andre. 2010. *Intangible. Knowledge, value and capital*. Rus. ed. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russian)
- Habermas, Jurgen. 2005. *Political works*. Rus. ed. Moscow: Praxis Publ. (In Russian)
- Kiselev, Igor Y. 2002. “The new face of labour law in western countries (Breaking into post-industrial society).” *Human Resources Management* 4: 49–55. (In Russian)
- Kumar, Krishan. 1995. *From post-industrial to post-modern society: New theories of the contemporary world*. Oxford: Blackweel.
- Lytov, Nikita L. 2012. “Structural changes in labour relations in the modern world.” *Collection of materials of the Fifth Conference of the Association “Lawyers for Labour Rights”* (May 20–21, 2011, Moscow): 11–16. (In Russian)
- Marx, Karl, and Friedrich Engels. 1957. *Writings*. Rus. ed. Vol. 6. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
- Marx, Karl, and Friedrich Engels. 1961. *Writings*. Rus. ed. Vol. 19. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
- Marx, Karl, and Friedrich Engels, 1980. *Writings*. Rus. ed. Vol. 46. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
- Sayers, Sean. 2007. “The concept of labour: Marx and his critics.” *Science and Society* 71: 431–454.
- Schiller, Anita, and Herbert Schiller. 1982. “Who can own what America Knows?” *Nation* 4: 461.
- Stiglitz, Joseph. 2003. “Employment, social justice and public welfare.” *International Labour Review* 1–2: 8–18. (In Russian)
- Stiglitz, Joseph. 2005. *The Roaring Nineties. Seeds of collapse*. Rus. ed. Moscow: Modern economics and law Publ. (In Russian)
- Toffler, Alvin. 1999. *Third wave*. Rus. ed. Moscow: AST Publ. (In Russian)
- Webster, Frank. 2004. *Theories of the information society*. Rus. ed. Moscow: Aspect Press. (In Russian)
- Zizek, Slavoj. 2005. *Against Human Rights*. Rus. ed. Moscow: Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo Publ. (In Russian)

Received: May 28, 2022
Accepted: June 25, 2022

Author's information:

Denis A. Novikov — PhD in Law, Associate Professor; d.novikov@spbu.ru